Общедоступная философія

въ изложеніи

АРКАДІЯ ПРЕССА

ДЕКАРТЪ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О ПЕРВОЙ ФИЛОСОФІИ.

Цѣна **40** коп.

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
Книжный Складъ Стремянная, 12
Книжный Магазинъ Невскій, 96

II.F.22.

Изданія П. П. Сойкина. — Спб., Невскій, № 96.

Добролюбовъ, Н. А. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, біографіей автора и библіографическимъ указателемъ. Изданіе 6-е, въ 4 томахъ. 2416 стран. большого формата убористой печати. Цѣна за всѣ 4 тома 7 руб., въ переплетѣ 9 руб. Пересылка за 10 фунтовъ по разстоянію.

Людвигъ Берне. Полное собраніе сочиненій. Съ біографіей и портретомъ автора, новое дополненное изданіе. Переводъ подъ ред. профессора А. Трачевскаго и д-ра философіи М. Филиппова. Въ трехъ томахъ, на веленевой бумагѣ, объемомъ свыше 1600 стран. большого формата. Цѣна за 3 тома 5 руб., въ переплетѣ 7 руб. Пересылка за 8 фунтовъ по разстоянію.

Сочиненія д-ра А. В. Елисѣева. **ПО БѢЛУ СВѢТУ.** Въ 4 томахъ. Очерки и картины путешествій по тремъ частямъ Стараго Свѣта. Роскошное изданіе, большого формата. Болѣе 1500 стр. текста и свыше 1500 оригинальныхъ рисунковъ. Цѣна за всѣ 4 тома 12 руб., въ переплетахъ 15 руб. Пересылка за 10 фунтовъ.

ЛЬВИНЫЯ НОЧИ. Изъ путешествій по сѣверной Африкѣ. Цѣна 50 коп.

ВЪ ТАЙГѢ. Изъ воспоминаній о далекомъ Востокѣ. Цѣна 50 коп.

Талмудъ. Полный переводъ ориенталиста *И. Переферковича* съ объяснительными примѣчаніями переводчика и наглядными чертежами. Цѣна за все изданіе „Талмудъ“ (Мишны и Тосефты) въ 6 томахъ (12 книгахъ) около 3000 стран. большого формата убористой печати 15 руб., въ переплетахъ 18 руб., пересылка за 16 фунтовъ по разстоянію. Отдѣльно каждый томъ по 3 руб., съ пересылкою по 3 руб. 50 коп.

Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій. Подъ редакціею редактора журнала „Научное Обозрѣніе“, *М. М. Филиппова*. Большой томъ около 500 стран. и болѣе 300 портретовъ выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ, государственныхъ дѣятелей и т. д., отпечатанныхъ на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Энциклопедическій словарь. Составленъ подъ редакціею доктора философіи М. М. Филиппова, редактора журнала „Научное Обозрѣніе“. Въ трехъ томахъ (болѣе 130 печатныхъ листовъ), 4000 столбцовъ убористой печати формата словарей Брокгауза и Мейера. Цѣна за 3 тома 5 руб., въ переплетѣ 7 руб. Пересылка за 8 фунт. по разстоян.

Земля и ея народы. (Описаніе всѣхъ странъ и народовъ земного шара). Сочиненіе *Ф. Гельмальда*, дополнен. и исправлен. профессоромъ *В. Уле*, переводъ съ послѣдняго 4-го нѣмецкаго изданія подъ редакціею *Ф. Груздева*, редактора журнала „Природа и Люди“. Роскошное изданіе, большого формата in 4°, въ 4 томахъ, свыше 1700 стран. текста и 700 рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, съ 6 картинами и алфавитнымъ указателемъ (Америка, Азія, Европа, Африка, Океанія и Полярныя страны). **Отдѣлъ о Россіи** составленъ по новѣйшимъ даннымъ и заключаетъ въ себѣ **полное иллюстрированное руководство по отечествовѣдѣнію.** Цѣна за 4 тома 8 руб., въ коленк. перепл. 10 руб. Пересылка за 9 фунтовъ.

Путешествія Н. М. Пржевальскаго. Обработаны *А. В. Зеленинымъ* въ формѣ разсказовъ по подлиннымъ сочиненіямъ. 2 тома большого формата, около 1000 стран. текста съ рисунками, портретами и картами. Цѣна за 2 тома 4 руб., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 5 руб. Пересылка за 5 фунтовъ.

Жизнь животныхъ. А. Брэма. Роскошное иллюстрированное изданіе, въ 3-хъ томахъ, 1500 страницъ большого формата, съ 700 рисунками и 6 хромолитографированными таблицами. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціею доктора зоологіи *А. М. Никольскаго*. Цѣна за 3 тома 6 руб., въ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, тиснен. красками 8 руб. Пересылка за 8 фунтовъ.

Для декламаціи сборникъ набранныхъ стихотвореній. Составилъ членъ кружка любит. художеств. чтенія и музыки въ Спб. **С. П. Елисѣевъ** при содѣйствіи артистовъ Императорскихъ театровъ: П. А. Стрепетовой, Н. Л. Глазунова, Ю. Э. Озаровскаго, В. И. Петрова, М. И. Писарева, а также гг. А. А. Захарьина, В. В. Чехова и др. 380 стр. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Выписывающіе изданія Сойкина изъ его книжнаго магазина (СПБ., Невскій, 96, уг. Надеждинской), на сумму не менѣе одного рубля, за пересылку не платятъ, кромѣ тѣхъ изданій, за которыя пересылка показана особо.

Общедоступная философія

ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ

АРКАДІЯ ПРЕССА

ДЕКАРТЪ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О ПЕРВОЙ ФИЛОСОФІИ.

Цѣна **40** коп.

С.-Петербургъ

Изданіе П. П. Сойкина

Книжный Складъ
Стремянная, 12

Книжный Магазинъ
Невскій, 96

К

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 МАРТА 1903 г.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
им. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. Ф. К.
3175
29
364292

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА. СПБ., СТРЕМЯННАЯ, 12.

ДЕКАРТЪ.

Двѣ провинціи во Франціи спорятъ изъ-за мѣста рожденія Декарта—Турень и Бретань. Рене Декартъ родился 31 марта 1596 г. въ ла-Ге (la Haye—Эндръ и Луара). Родъ Декарта происходилъ изъ Турени, но его дѣдъ переселился въ городъ Реннъ, гдѣ былъ назначенъ совѣтникомъ парламента Бретани. Отецъ Декарта занималъ то-же мѣсто и жилъ постоянно въ Реннѣ. Рене Декартъ случайно не родился въ этомъ городѣ. Тамъ была чума, мать его уѣхала на время въ Турень. Въ это время и родился Декартъ.

Восьми лѣтъ онъ былъ отданъ въ школу іезуитовъ въ Ла-Флешъ и съ самаго дѣтства приводилъ въ смущеніе учителей своими вопросами. Въ немъ была такая природная склонность вдумываться во все, что уже въ школѣ его прозвали «философъ». Шестнадцати лѣтъ онъ покинулъ школу и годъ прожилъ въ Реннѣ съ родителями. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ среди молодыхъ дворянъ велъ разсѣянную жизнь, полную развлеченій. Но вскорѣ онъ на два года ушелъ, такъ сказать, отъ свѣта и, поселившись

въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, жилъ въ полномъ уединеніи, занимаясь геометріей. Въ 1617 г. по настоянію отца онъ поступилъ на службу сначала въ армію Маврикія Нассаускаго, затѣмъ къ герцогу Баварскому, одному изъ католическихъ вождей тридцатилѣтней войны, наконецъ, перешелъ на службу къ императору Фердинарду II. Впослѣдствіи онъ въ качествѣ волонтера участвовалъ въ сраженіи противъ англичанъ во время осады Ларошели. Объ отношеніи Декарта къ военной службѣ существуютъ разныя мнѣнія, но несомнѣнно, самое близкое къ истинѣ-то, что Декартъ не стремился быть великимъ полководцемъ.—Онъ желалъ только изучать людей при всевозможныхъ обстоятельствахъ, а война въ то время играла въ жизни людей самую большую роль.

Декартъ прослужилъ въ войскѣ четыре года. Его страсть къ уединенію не покидала его даже въ походѣ. Однажды въ 1619 г. на зимнихъ квартирахъ, на границѣ Баваріи, онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ полнѣйшемъ одиночествѣ, занимаясь размышленіемъ и наукой. Онъ хотѣлъ найти способы созданія новой науки.—Онъ дошелъ даже до такого нервнаго возбужденія, что ему стали являться таинственные сны, онъ слышалъ голоса, призывавшіе его создать новую науку. Онъ вѣрилъ, что эти голоса идутъ съ неба. Интересно, что Сократъ тоже вѣрилъ въ такіе голоса, въ «демона», который помогалъ ему въ трудные моменты жизни.

1619 и 1620 гг. Декартъ провелъ въ Баваріи,

въ Швабіи, въ Австріи и Богеміи, въ 1621 г. былъ въ Венгріи, обошелъ Моравію, Силезію, былъ на сѣверѣ Германіи, въ Помераніи, въ Польшѣ, посѣтилъ всѣ берега Балтійскаго моря, черезъ Штетинъ перешелъ въ Бранденбургъ, въ герцогство Мекленбургъ, наконецъ по Эльбѣ возвратился въ Голландію. Въ 1622 г. Декартъ объѣхалъ испанскіе Нидерланды и жилъ въ Брюсселѣ.

Въ 1623 г. онъ совершилъ путешествіе въ Италію, прошелъ Швейцарію,—на Альпахъ дѣлалъ наблюденія надъ снѣгомъ и градомъ, останавливался въ Вальтелинѣ, въ Венеціи присутствовалъ при обрядѣ вѣнчанія «дожа» съ Адріатикой. Въ 1625 году былъ въ Тосканѣ. Въ 1631 г. Декартъ объѣхалъ Англію и въ 1634 г. Данію.

Таковы путешествія Декарта.

Изъ всѣхъ странъ Европы онъ не былъ только въ Испаніи и Португаліи.

Путешествовать по Европѣ въ XVII вѣкѣ было довольно трудно и небезопасно. Нужна была необыкновенная энергія и жажда знанія, чтобы отважиться на это.

Однажды Декарта чуть не убили.

Въ Эмденѣ, возвращаясь въ Голландію, на Эльбѣ онъ нанялъ отдѣльную лодку для себя и для своего слуги. Лодочники задумали его убить, чтобы воспользоваться его имуществомъ. Маленькій ростъ Декарта, его тихій и кроткій видъ не внушали къ себѣ почтенія. Къ счастью они громко говорили о своемъ планѣ въ его присут-

ствіи, не подозрѣвая конечно, что онъ понимаетъ по-голландски. Но Декартъ самъ говорилъ на этомъ языкѣ. Онъ тотчасъ вскочилъ и выхвативъ шпагу заявилъ, что пронзитъ перваго, кто къ нему приблизится. Эта смѣлость спасла Декарта.

Въ 1629 году тридцати трехъ лѣтъ Декартъ, не сказавъ ни слова ни своимъ родителямъ, ни друзьямъ, переселился въ Голландію, гдѣ прожилъ болѣе двадцати лѣтъ. Тамъ онъ тоже мѣнялъ часто города, избѣгая друзей и извѣстности. Иногда онъ жилъ въ большихъ городахъ; но большую часть жизни провелъ въ деревнѣ вдали отъ людей. Море также его привлекало. Въ Голландіи во многихъ прибрежныхъ мѣстахъ показываютъ домики, въ которыхъ жилъ Декартъ. Онъ любилъ Голландію.

«Здѣсь (т. е. въ Амстердамѣ),—пишетъ онъ одному своему другу Бальзаку,—всѣ, кромѣ меня одного, заняты торговлей,—я могу жить, невѣдомый никому. Ежедневно я гуляю въ толпѣ громаднаго народа почти также спокойно, какъ вы въ аллеяхъ вашего парка. Люди, которыхъ я встрѣчаю, производятъ на меня то-же впечатлѣніе, какъ еслибъ я видѣлъ деревья вашихъ лѣсовъ или стада вашихъ полей. Даже говоръ всѣхъ этихъ коммерсантовъ развлекаетъ меня не болѣе, чѣмъ журчаніе ручья. Если вамъ пріятно видѣть, какъ плоды ростутъ въ вашихъ фруктовыхъ садахъ, то подумайте, какое удовольствіе испытываю я, глядя, какъ корабли со всѣхъ береговъ Европы и Индіи привозятъ мнѣ ихъ произведенія... Существуетъ-ли страна въ мірѣ, гдѣ можно чувствовать себя свободнѣе, гдѣ можно спать спокойнѣе, гдѣ меньше опасностей, гдѣ законы лучше бодрствуютъ и защищаютъ отъ преступленій, гдѣ меньше предательства, клеветы, убійства!—Въ Голландіи сохранилась еще счастливая и спокойная невинность нашихъ отцовъ»...

Въ этомъ письмѣ—объясненіе переѣзда Декарта въ Голландію.

Декартъ былъ знакомъ почти со всѣми учеными и мыслителями своего вѣка и всѣ относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Будучи еще молодымъ офицеромъ, онъ поражалъ всѣхъ глубиной своего ума. Разсказываютъ, что разъ въ одномъ голландскомъ городѣ (Breda) онъ остановился предъ афишей, наклеенной на стѣнѣ дома. Предъ ней толпился народъ. Афиша была писана по фламандски. Декартъ не могъ ее прочесть. Онъ обратился къ одному изъ народа съ просьбой объяснить ему содержаніе афиши. Этотъ человѣкъ оказался профессоромъ математики Бекманомъ изъ коллегіи въ Додрехтѣ. Видя юношу, онъ улыбнулся и сказалъ, что охотно объяснитъ ему, но подъ условіемъ, чтобы тотъ разрѣшилъ то, что въ афишѣ напечатано. То была сложнѣйшая задача по геометріи. Декартъ принялъ предложеніе. На слѣдующее утро задача была рѣшена, и когда Бекманъ сталъ бесѣдовать съ Декартомъ, онъ былъ пораженъ—молодой французскій офицеръ (то было въ 1617 г.—Декарту было 21 годъ), зналъ въ геометріи больше стараго профессора математики.

Въ 1637 г. Декартъ написалъ свое «Разсужденіе о методѣ». (Discours de la mèthode).—Въ томъ-же году «Геометрію»—«Трактатъ о метеорахъ» и «Діоптрику». Эти четыре трактата вмѣстѣ образовали его «Опыты философіи» (Essais de philosophie).—Въ 1641 г. онъ напечаталъ «Метафизическія размышленія» (Méditations métaphysiques).—Въ 1644 г. написаны его «Принципы» (Principes). Первая часть ихъ посвящена метафизикѣ и основамъ человѣческихъ знаній, вторая—общей физикѣ, законамъ природы, матеріи, пространству, движенію; въ третьей части говорится о системѣ міра и движеніи небесныхъ тѣлъ, въ четвертой—о землѣ.—Кромѣ этихъ сочиненій написалъ онъ въ ранней молодости (въ 1816 г.) «Трактатъ о музыкѣ».—Онъ былъ напечатанъ только послѣ его смерти—и «Трактатъ о механикѣ» въ 1636 году, напечатанный впервые въ 1668 году.

Декартъ избѣгалъ вопросовъ религіи и старался жить дружно съ церковью. Онъ выдавалъ себя за благочестиваго католика и принималъ всякія мѣры, чтобъ не возбуждать противъ себя духовенства. Свои «Méditations» онъ посвятилъ Сорбоннѣ. Когда въ 1633 г. онъ узналъ про осужденіе инквизиціей Галлилея за то, что тотъ училъ движенію земли, онъ хотѣлъ сжечь всѣ свои бумаги. Несмотря на все это, въ 1642 г. новая философія Декарта была запрещена благодаря главнымъ образомъ интригамъ извѣстнаго протестантскаго богослова Жизбера Воеція (Gisbert Voetius), въ 1643 г. противъ Декарта поднялось цѣлое гоненіе и его предали-бы суду, какъ Галлилея, если-бы не заступился за него посолъ Франціи.

Въ 1644, 1647 и 1648 гг. Декартъ ѣздилъ во Францію. Но вскорѣ уѣзжалъ оттуда. Его родные, особенно старшій братъ его, человѣкъ жадный и корыстный, относился къ нему очень скверно. Его вообще въ семьѣ считали неудачникомъ. Когда умеръ отецъ Декарта, сына въ Голландіи объ этомъ даже не извѣстили. Онъ писалъ отцу самыя нѣжныя письма, когда отецъ его былъ уже похороненъ.

Декартъ встрѣтилъ искреннюю дружбу со стороны Богемской принцессы Елизаветы. Она была его ученицей и переписывалась съ нимъ всю жизнь.

Въ 1647 году онъ получилъ письмо отъ Шведской королевы Христины.—Онъ послалъ ей свой «Трактатъ о страстяхъ». Въ 1649 г. королева стала настойчиво приглашать его въ Стокгольмъ. Она послала за нимъ корабль и Декартъ рѣшился переѣхать въ Швецію. Онъ обучалъ королеву философіи въ пять часовъ утра ежедневно. Декартъ-же съ дѣтства былъ очень слабаго здоровья и привыкъ поздно оставаться въ постели. Выходя такъ рано на улицу, онъ въ холодномъ климатѣ Стокгольма однажды простудился и умеръ 21 февраля 1650 года пятидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду.

Какъ человѣкъ, Декартъ былъ очень ласковъ съ людьми. Несмотря на свою склонность къ одиночеству, онъ отличался веселымъ нравомъ. Въ отношеніяхъ къ женщинамъ онъ не былъ по-

хожъ на Ньютона, съ которымъ его часто сравниваютъ. Ньютонъ, какъ и Кантъ, насколько извѣстно, жилъ вполнѣ одиноко. У Декарта-же была въ Голландіи дочь, Франсина, которой онъ далъ свое имя. Дочь эта умерла пяти лѣтъ и Декартъ долго не могъ утѣшиться.

Декартъ былъ похороненъ сначала въ Швеціи, но въ 1666 г. его останки были перевезены во Францію и помѣщены въ Парижѣ въ церкви святой Женевьевы.

Декартъ—основатель новой философіи. Это одинъ изъ самыхъ великихъ мыслителей міра. Онъ смѣло отвергъ всю современную ему науку и, начавъ съ сомнѣнія во всемъ, построилъ новое зданіе на болѣе достовѣрныхъ основахъ, провѣривъ, такъ сказать, прочность каждаго заложеннаго имъ камня. Сомнѣнія его цѣнны потому, что это—сомнѣнія общечеловѣческія. Они возникали въ душѣ каждаго мыслящаго человѣка. Выводы-же Декарта имѣютъ положительную для людей сторону. Они доказываютъ, что существуетъ Богъ и существуетъ душа.

А. П.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

касающіяся первой философіи, въ которой ясно доказано существованіе Бога и истинное различіе между душою и тѣломъ человѣка.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

касающіяся первой философіи, въ которой ясно доказано существованіе Бога и истинное различіе между душою и тѣломъ человѣка *).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я говорилъ уже объ этихъ двухъ вопросахъ—о Богѣ и о человѣческой душѣ—въ «Разсужденіи» (Discours), напечатанномъ въ 1637 г. Тамъ я писалъ о методѣ, какъ вести свой разумъ и какъ искать истину въ наукахъ. Вопросовъ о Богѣ и душѣ я касался вскользь, чтобъ только намѣтить ихъ. Я считаю эти вопросы столь важными, что о нихъ стоитъ говорить много разъ.

Въ «Разсужденіи о методѣ» я просилъ всѣхъ, кто найдутъ въ моихъ книгахъ что-либо достойное критики, сообщить мнѣ свои мысли.—Я получилъ много возраженій. Въ нихъ не было ничего выдающагося (remarquable), кромѣ двухъ вещей, на которыя я сейчасъ отвѣчу.

---

*) Méditations touchant la philosophie première, dans lesquelles on prouve clairement l'existence de Dieu et la distinction réelle entre l'ame et le corps de l'homme.—1641 г.

Первое возраженіе заключается въ слѣдующемъ:

Я говорю, что человѣческій умъ, размышляя надъ самимъ собою, познаетъ себя какъ вещь, которая мыслитъ—и что природа его поэтому заключается только въ мысли.

Мнѣ возражаютъ, что изъ того, что умъ познаетъ себя, какъ мысль, не слѣдуетъ еще, что онъ есть *только*, исключительно мысль. Природа души, быть можетъ, имѣетъ въ себѣ и другія вещи.

На это я отвѣчу, что у меня не было намѣренія подчеркнуть это «только». Я не хотѣлъ здѣсь указать на исключительное значеніе мысли,—я только слѣдовалъ порядку своего разсужденія о природѣ ума.—Я говорилъ: «Я ничего не знаю, касающагося сущности моей природы, кромѣ только того, что я—вещь, которая мыслитъ, вещь, которая имѣетъ въ себѣ способность мыслить». А какимъ образомъ изъ того, что я за собой не знаю ничего, кромѣ мысли, слѣдуетъ, что ничего и на самомъ дѣлѣ во мнѣ не существуетъ—это я докажу потомъ.

Второе возраженіе:

Я говорю, что во мнѣ есть идея о чемъ-то (d'une chose) болѣе совершенномъ, чѣмъ я,—слѣдовательно, эта идея и на самомъ дѣлѣ болѣе совершенна, чѣмъ я, и то, что ею представляется, дѣйствительно существуетъ.

Мнѣ возражаютъ, что изъ того, что во мнѣ есть такая идея, еще не слѣдуетъ, чтобы она существовала помимо меня.

На это я отвѣчаю, что тутъ недоразумѣніе въ словѣ «идея» (idée).—Идею можно понимать въ матеріальномъ смыслѣ—какъ операцію, дѣйствіе моего разумѣнія (une opération de mon entendement). При такомъ пониманіи нельзя сказать, чтобы идея была болѣе совершенна, чѣмъ я.—Другой смыслъ «идеи»—объективный. Она обозначаетъ не дѣйствіе моего ума, а самую вещь, надъ которой производится это дѣйствіе. Въ этомъ смыслѣ, хотя идея и не предполагается еще существующей внѣ моего ума, однако, она можетъ уже по своей природѣ (par son essence) быть болѣе совершенной, чѣмъ я.

А какимъ образомъ изъ того, что во мнѣ существуетъ идея болѣе совершенной, чѣмъ я, вещи, вытекаетъ, что эта вещь дѣйствительно существуетъ,—я докажу въ послѣдующемъ трактатѣ.

Я видалъ два обширныхъ произведенія объ этихъ вопросахъ. Но они разбивали главнымъ образомъ не мои доказательства, а мои заключенія и при помощи общихъ мѣстъ, выхваченныхъ изъ книгъ атеистовъ. Подобные аргументы не могутъ произвести никакого впечатлѣнія на тѣхъ, кто проникнутся моими доводами. Мнѣніе-же большинства слагается по тѣмъ рѣчамъ, которыя люди слышатъ раньше. Пониманіе большинства людей слабо и весьма мало разумно. Поэтому я вовсе не хочу говорить обо всѣхъ возраженіяхъ, чтобъ не передавать ихъ содержанія.

Я скажу только въ общихъ словахъ, что всѣ доказательства, которыя приводятъ атеисты,

противъ существованія Бога, сводятся къ двумъ основаніямъ: или приписываютъ Богу человѣческія свойства, или нашъ умъ считаютъ такимъ сильнымъ и мудрымъ, что онъ, полагаютъ, способенъ опредѣлить и понять все, что Богъ можетъ и долженъ дѣлать. Такимъ образомъ всѣ такія возраженія насъ нисколько не затруднятъ, едва мы не будемъ забывать, что наши способности (nos esprits) ограничены (limitées et finies), а Богъ безконеченъ и непостижимъ (infini et incompréhensible).

Теперь-же, послѣ того какъ я достаточно обнаружилъ чувства людей, я начну свой трактатъ о Богѣ и о человѣческой душѣ и постараюсь заложить основы первой философіи. Я не жду за это ни малѣйшей похвалы отъ толпы, даже не надѣюсь, чтобы моя книга была прочитана многими. Напротивъ того, я самъ посовѣтую читать ее только тому, кто можетъ серьезно надъ нею подумать, кто можетъ освободить свой умъ отъ вліянія чувствъ и отъ всякаго рода предразсудковъ. Но такихъ людей, я знаю, очень мало.—Кто-же станетъ забавляться тѣмъ, что нападетъ на отдѣльныя части моего трактата, не заботясь нисколько о порядкѣ и связи моей мысли, тотъ изъ чтенія моей книги не извлечетъ никакой пользы. Если мѣстами онъ и обнаружитъ свое остроуміе, онъ въ общемъ едва представитъ мнѣ какое-либо возраженіе, достойное отвѣта.

Своими «Размышленіями» я не обѣщаю сразу удовлетворить каждаго.—Въ нихъ я изложу сначала тѣ мысли, благодаря которымъ я дошелъ до извѣстнаго и очевидного знанія истины. Я хочу увидѣть, убѣдительны-ли для другихъ тѣ мысли, которыя убѣдили меня. Послѣ этого я отвѣчу на возраженія, представленныя мнѣ многими учеными и умными людьми, которымъ я послалъ свои «Размышленія» до печати. Я получилъ такъ много возраженій и столь разнообразнаго свойства, что думаю, нѣтъ вопроса, котораго-бы они не коснулись.

Поэтому я прошу своего читателя не составлять окончательнаго мнѣнія о моемъ трактатѣ, не прочитавъ всѣхъ возраженій и моихъ отвѣтовъ.

36299

Первое изданіе этой книги было напечатано въ Парижѣ на латинскомъ языкѣ въ 1641 году подъ заглавіемъ: «Meditationes de prima philosophia ubi de Dei existentia et animae immortalitate». Второе изданіе появилось у Эльзевировъ въ Амстердамѣ въ 1642 г. тоже латинское. Декартъ въ немъ вмѣсто «безсмертія» души написалъ «различіе между душою и тѣломъ». Еще было третье изданіе въ Неаполѣ 1719 г. (Giovacchino Poeta).

Французскій переводъ появился въ Парижѣ въ 1647 г. подъ буквами: M. le D. D. L. N. S. (M le duc de Luynes). Переводъ этотъ пересмотрѣнъ и исправленъ самимъ Декартомъ. Въ 1661 г. вышло второе изданіе, въ 1673 г.—третье съ замѣчаніями René Fedé,

(доктора медицины въ Анжерѣ). Это изданіе было перепечатано въ Парижѣ въ 1724 г. Съ тѣхъ поръ появилось много изданій уже полнаго собранія сочиненій Декарта.—Самое цѣнное изъ нихъ собраніе Виктора Кузена въ 11 томахъ 1824 года. «Размышленія» находятся въ первомъ томѣ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Въ чемъ можно сомнѣваться.

Я давно замѣтилъ, что массу ложныхъ мнѣній я принималъ за истину и все, что я знаю, слѣдовательно, должно быть крайне сомнительнымъ и ненадежнымъ. Поэтому, чтобы установить что-либо прочное въ наукахъ, я долженъ отдѣлаться отъ всѣхъ мнѣній, принятыхъ мною прежде на вѣру.

Все, что я принималъ до сихъ поръ за истину я узналъ посредствомъ чувствъ—я испыталъ, что чувства меня иногда обманываютъ—слѣдовательно, неблагоразумно довѣряться вполнѣ тому, кто насъ однажды обманулъ.

Этотъ обманъ касается вещей отдаленныхъ, но, быть можетъ, есть другія вещи, сомнѣваться въ которыхъ нельзя? Напр. я сижу у огня, держу въ рукахъ бумагу. Развѣ эти руки, это тѣло не принадлежатъ мнѣ?—Бываютъ помѣшанные, которые утверждаютъ, что они цари, когда на самомъ дѣлѣ бѣдняки, что одѣты въ пурпуръ, когда голы, что они – кружки, что ихъ тѣло сдѣлано изъ стекла. Однако, я не помѣшанный, а

между тѣмъ, когда сплю, я вижу тоже, что я одѣтъ, когда на самомъ дѣлѣ лежу раздѣтый въ кровати. Хотя во снѣ я не вижу всего такъ *отчетливо и ясно*, какъ теперь, однако, чѣмъ больше я вглядываюсь, тѣмъ меньше я нахожу способовъ отличить сонъ отъ дѣйствительности, и я такъ удивленъ этимъ явленіемъ, что готовъ убѣдить себя, что я сплю на яву.

Предположимъ, что мы спимъ, и все, что мы видимъ, намъ только кажется. Все—однѣ иллюзіи. Все-таки и во снѣ мы видимъ картины и образы, образовавшіеся въ насъ только по сходству съ чѣмъ-то реальнымъ и истиннымъ (de reél et de véritable). Самые причудливые художники не могутъ создать новыхъ формъ, но смѣшиваютъ уже существующія (напр. члены разныхъ животныхъ). Поэтому существуютъ-же вещи, простыя и общія, которыя дѣйствительны и истинны? Таковы вещество вообще и его пространство, количество, число, мѣсто, время и т. п. Если физика, астрономія, медицина изучаютъ сложныя вещи и мало достовѣрны, то ариѳметика и геометрія, занятыя простыми вещами и общими, заключаютъ въ себѣ долю достовѣрности. Сплю-ли я или бодрствую, два и три все-таки пять и въ четырехугольникѣ все-таки четыре угла.

Но я давно думаю, что существуетъ Богъ, который все можетъ и который создалъ меня такимъ, каковъ я теперь. Почемъ я знаю? (que sais-jé?) Быть можетъ нѣтъ ни земли, ни неба, ни пространства, ни времени, ни формы, ни мѣста, а только во мнѣ ощущеніе всего этого? Быть можетъ я всякій разъ ошибаюсь, когда говорю, что $2 + 3$ есть 5. Но Богъ долженъ быть безконечно добрый—зачѣмъ онъ меня обманываетъ? Словомъ, я долженъ признать, что изъ всего того, что я считалъ прежде истиннымъ, нѣтъ ни одной вещи, въ которой съ извѣстной точки зрѣнія (en quelque façon) я не могъ бы сомнѣваться.

Однако, какъ рабъ, наслаждавшійся во снѣ свободой, боится проснуться, такъ и я невольно впадаю въ свои прежнія мысли и боюсь, чтобы мое трудное бодрствованіе не сгустило еще мракъ, висящій надо мною.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О природѣ человѣческаго разума и о томъ, что его легче познать, чѣмъ тѣло.

Нѣтъ для меня ничего достовѣрнаго. Но Архимедъ просилъ только одну прочную и непоколебимую точку опоры, чтобы сдвинуть землю [1]). Такъ и я хотѣлъ-бы найти только одну вещь, истинную и несомнѣнную. Неужели я ничто? У меня нѣтъ ни чувствъ, ни тѣла. Да, но развѣ я такъ зависимъ отъ нихъ, что не могу существовать безъ нихъ? Я убѣдилъ себя, что какое-то сильное и хитрое существо занято всецѣло тѣмъ, чтобы всегда меня обманывать. Но для того, чтобъ обмануть меня, я долженъ-же существовать. Пусть оно меня обманываетъ, сколько угодно, но оно не можетъ сдѣлать, чтобъ я не существовалъ, пока я думаю, что оно меня обманываетъ.

Что-же я такое?

Я думаю, что я человѣкъ. Я думаю, что

[1]) Архимедъ говорилъ: δός ποῦ στῶ καὶ τὴν γῆν κινήσω (дай гдѣ стать, и я сдвину землю) А. П.

у меня есть лицо, руки, тѣло. Это касается тѣла. Я думаю далѣе, что я хожу, ѣмъ, чувствую, мыслю и все это отношу къ душѣ. Тѣло, это-то, что ограничивается какой-нибудь фигурой, мѣстомъ, пространствомъ, то, что можно ощущать зрѣніемъ, слухомъ и т. п. Способность-же двигаться, чувствовать и мыслить никоимъ образомъ (nullement) не относится къ природѣ тѣла. Однако чувствовать тоже нельзя безъ тѣла. Достовѣрно-ли, что у меня имѣются всѣ упомянутыя тѣлесныя свойства? Нѣтъ. Другое дѣло мысль. Мысль дѣйствительно — свойство, принадлежащее мнѣ. Мысль не познается чувствами. Я, слѣдовательно, ничто иное, какъ вещь, которая мыслитъ, я—разумъ (esprit.). Мое существо (бытіе) не зависитъ такимъ образомъ отъ того, чего я еще не знаю.

Что такое существо, которое мыслитъ? Существо, которое сомнѣвается, понимаетъ, утверждаетъ, отрицаетъ, желаетъ и не желаетъ, чувствуетъ. Это очевидно, что я сомнѣваюсь, утверждаю, чувствую и т. д., даже, что я вижу свѣтъ, слышу звукъ, чувствую теплоту, потому что все это сводится къ мысли.

Все-таки мнѣ кажется, что предметы (внѣшняго міра) я вижу болѣе отчетливо, чѣмъ то, что не подлежитъ моимъ ощущеніямъ. Это ложно, потому что и предметы мы познаемъ тоже не ощущеніемъ и не воображеніемъ (imagination), а особымъ процессомъ мысли.

Возьмемъ кусокъ воска. Онъ твердый, душистый, холодный, упругій и отражаетъ извѣстный

звукъ. Приблизимъ его къ огню. Онъ теряетъ свой запахъ, мѣняетъ цвѣтъ, форму, увеличивается въ объемѣ, становится жидкимъ, нагрѣвается, не отдаетъ при ударѣ никакого звука.

Остался тотъ-же воскъ. Но, собственно, что-же осталось? Протяженіе, гибкость, упругость. Ни одного изъ этихъ свойствъ я не могу представить себѣ ни ощущеніемъ, ни воображеніемъ. Поэтому, воображеніемъ я никогда не пойму, что такое этотъ кусокъ воска, а пониманіе, воспріятіе есть особаго рода исключающая дѣятельность ума (la perception est une inspection de l'esprit).

Теперь я вижу ясно и отчетливо существованіе куска воска, слѣдовательно я еще яснѣе и отчетливѣе долженъ видѣть свое существованіе, такъ какъ то, что я вижу, можетъ не быть воскомъ, чѣмъ я вижу, можетъ не быть глазомъ, но не можетъ быть, чтобы «я», который думаетъ видѣть, не существовалъ вовсе.

Такимъ образомъ, предметы познаются не чувствами и не воображеніемъ, а только разумомъ, и отсюда очевидно, что легче всего познать свой разумъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

О Богѣ и Его существованіи.

Я—вещь, которая мыслитъ. Хотя все, что я чувствую и воображаю, само по себѣ и внѣ меня можетъ быть ничто, тѣмъ не менѣе подобный образъ мысли во мнѣ существуетъ. Въ этомъ убѣждаетъ меня одна ясность и отчетливость мысли. Такой признакъ не былъ-бы убѣдителенъ, если-бы ясность и отчетливость могла когда-либо насъ обмануть. Слѣдовательно все, что мы воспринимаемъ ясно и отчетливо, должно быть истиной.

Всѣ предметы, напрм., земля, небо и т. п. возбуждали во мнѣ сомнѣнія. Но, когда я думаю о чемъ-либо простомъ, касающемся ариѳметики, напрм., два и три есть пять, то я вижу это ясно и отчетливо и сомнѣваюсь въ этомъ только въ томъ отношеніи, что Богъ создалъ меня быть обманутымъ. Но я не имѣю основанія думать, чтобы Богъ меня обманывалъ и я вообще еще не знаю, существуетъ ли Богъ. Поэтому такого рода сомнѣніе очень шатко.

Мысли раздѣляются на такія, въ которыхъ—одно отраженіе вещей, напр., человѣкъ, химера

и другія, въ которыхъ выражается дѣйствіе, напр.. я хочу, я отрицаю. Вторыя называются волями и сужденіями.

Ошибка можетъ быть только въ сужденіяхъ, и главная въ томъ мнѣніи, что мысли подобны, тождественны вещамъ, находящимся внѣ ихъ. Идеи бываютъ прирожденныя, или идеи изъ внѣшняго міра, или созданныя самимъ человѣкомъ. Почему-же мысли изъ внѣшняго міра дѣйствительно подобны этому міру?

Во-первыхъ, мнѣ кажется, что этому меня учитъ природа, во-вторыхъ, я вижу, что эти мысли отъ меня не зависятъ. И мнѣ кажется вполнѣ раціональнымъ, чтобы вещь отпечатывала во мнѣ сходство съ собою, а не съ чѣмъ-либо другимъ. Но я часто замѣчалъ, что есть большая разница между предметомъ и представленіемъ о немъ. Солнце кажется маленькимъ съ перваго взгляда. Но мысли, представляющія образы (des images), очень *разнообразны*, между тѣмъ, если ихъ разсматривать только какъ мысли (façons de penser), то между ними не можетъ быть никакого разнообразія, такъ какъ всѣ онѣ исходятъ отъ меня. Слѣдововательно мысли, представляющія образы, имѣютъ болѣе объективной реальности, чѣмъ мысли дѣйствія и явленія (modes ou accidents). Мысль-же о Богѣ вѣчномъ, *безконечномъ*, всезнающемъ, создавшемъ все, должна имѣть еще болѣе объективной реальности, чѣмъ мысли о внѣшнемъ мірѣ *конечномъ*.

Во мнѣ есть идеи Бога, матеріальныхъ предметовъ и т. п. Въ матеріальныхъ предметахъ

все, что я вижу ясно и отчетливо, это—протяженіе, величину, ширину и т д. Другія-же идеи, какъ свѣтъ, теплота, полны неясности (d'obscurité et de confusion), такъ что я не знаю даже, истинны-ли онѣ или ложны, и я не имѣю основанія думать, что не я ихъ самъ создалъ. Что касается вещей, которыя я вижу ясно и отчетливо, то идеи о нихъ я могъ почерпнуть изъ самого себя. 1) Идеи о субстанціи, времени (durée), числѣ я почерпнулъ изъ себя, такъ какъ я самъ субстанція.—Время и число вытекаютъ изъ моей мысли—я мыслю, что существую теперь и вспоминаю, что былъ прежде. 2) Пространство, форму, положеніе и движеніе я почерпнулъ тоже изъ себя, такъ какъ все это—извѣстное состояніе (modes) субстанціи, а я—субстанція.

Одна только идея о Богѣ не почерпнута мною изъ меня самого. Богъ—это субстанція безконечная, вѣчная, неизмѣнная (immuable), независимая, всезнающая, всемогущая и произведшая все на свѣтѣ. Какъ-же я, субстанція конечная, могъ-бы изъ себя создать идею о субстанціи безконечной?

Во мнѣ есть положительная идея о безконечномъ, а не одна только отрицательная о противоположности конечнаго, какъ покой и мракъ—отрицаніе движенія и свѣта. Мы имѣемъ даже лучшее понятіе о безконечномъ, такъ какъ иначе мы-бы не знали, чего намъ не достаетъ, если-бы не имѣли, съ чѣмъ сравнивать.

Идея о Богѣ—идея самая ясная и отчетливая, идея истинная.

Могу-ли я, существо мыслящее, быть, если-бы не было Бога? Кто меня тогда создалъ?

1) Я—самъ?

Если-бы я самъ себя создалъ, я-бы не сомнѣвался ни въ чемъ. Я наградилъ-бы себя достоинствами, которыхъ у меня нѣтъ—я былъ-бы Богомъ.

Для того, чтобы сохранять субстанцію во всѣ моменты ея существованія, нужна сила, необходимая для созданія ея вновь, если-бы она не существовала (сохраненіе и созданіе—только разныя выраженія одного и того-же—façons de penser). Имѣю-ли я такую силу? Нѣтъ, я не имѣю о ней и сознанія, значитъ, я завишу отъ какого-нибудь другого существа.

2) Мои родители меня создали? или что-либо, что не Богъ? И это предположеніе не вѣрно.

Въ причинѣ должно-быть не меньше реальности, чѣмъ въ слѣдствіи. Я имѣю понятіе о Богѣ, слѣдовательно, причина моя тоже должна имѣть понятіе о всѣхъ достоинствахъ Бога. Теперь причина эта вытекаетъ изъ себя или изъ чего-либо другого?

a) Если изъ себя, то это, какъ видно изъ (1), есть Богъ.

b) Если изъ другого, то изъ чего это другое? изъ себя или изъ другого и т. д., пока не дойдемъ до послѣдней причины, которая въ концѣ концовъ должна быть Богъ. Безконечности здѣсь быть не можетъ, такъ какъ здѣсь важна не только причина созданія, когда-то бывшаго, но главнымъ образомъ, причина сохраненія въ настоящее время.

Быть можетъ, много причинъ создали меня? Но единство и неотдѣлимость всѣхъ свойствъ есть первое свойство Бога. Слѣдовательно идея о божественныхъ совершенствахъ едина, и не есть идея о многихъ отдѣльныхъ совершенствахъ въ природѣ, не соединенныхъ въ одно Божество.

Такимъ образомъ только отъ того, что я существую долженъ существовать Богъ.

Идею о Богѣ я не воспринялъ чувствами, и не выдумалъ, какъ фикцію, а эта идея родилась со мной, какъ идея о самомъ себѣ. Богъ, создавъ меня, вдохнулъ въ меня идею о Немъ, словно мастеръ положилъ мѣтку на свою работу.

Богъ создалъ меня по Своему подобію. Это я познаю такъ-же, какъ самого себя.

Созерцаніе Бога, хотя и несовершенное на этомъ свѣтѣ, доставляетъ намъ радость, самую сильную, какую мы можемъ чувствовать въ этой жизни.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Объ истинѣ и лжи.

Идея о человѣческомъ разумѣ яснѣе и отчетливѣе всякой вещи. Идея о Богѣ тоже представляется мнѣ ясной и отчетливой. Я знаю, что существуетъ Богъ,—отсюда я найду путь узнать весь міръ.

Богъ меня не обманываетъ, такъ какъ обманъ—знакъ слабости. Я получилъ отъ Бога способность различать истину отъ лжи. Слѣдовательно я не ошибаюсь, когда пользуюсь разумомъ хорошо.

Я все-таки часто ошибаюсь. Это происходитъ отъ недостатка знаній, которыя могли-бы у меня быть. Почему-же Богъ создалъ меня такъ, что я могу ошибаться?

Я не могу понимать всегда то, что дѣлаетъ Богъ. Причины этого превышаютъ мой разумъ. Наконецъ, надо разсматривать человѣка въ связи со вселенной,—тогда, пожалуй, недостатки отдѣльняго являются совершенствами цѣлаго.

Ошибки имѣютъ двѣ причины: пониманіе и волю (способность знать—entendement, и способность выбирать—volonté). Воля, свобода выбора—

одна только настолько велика во мнѣ, что я не знаю ей равной и только по ней я вижу, что созданъ по образу Бога. Религія и естественныя науки не только не ограничиваютъ моей свободы, но ее укрѣпляютъ. Безразличіе, какое я чувствую, когда нѣтъ у меня причины предпочитать одно другому, есть болѣе низкая ступень свободы и есть недостатокъ въ пониманіи, а не сила воли. Зная только, что лучше, я былъ-бы вполнѣ свободенъ, не будучи никогда безразличенъ. Отсюда я вижу, что ни воля, ни пониманіе сами по себѣ не есть причина ошибокъ, такъ какъ оба довольно обширны и даны Богомъ, Который не обманываетъ.

Въ чемъ-же причина ошибокъ?

Въ томъ, что воля, болѣе обширная, чѣмъ пониманіе, не держится въ границахъ, а обращается къ вещамъ, которыхъ не понимаетъ.

Пониманіе должно всегда предшествовать выбору (волѣ).

Богъ могъ-бы создать меня такъ, чтобы я никогда не ошибался, и это было-бы лучше для меня, если-бы я былъ одинъ въ природѣ. Но въ цѣломъ, быть можетъ, лучше, что цѣлое совершеннѣе части.

Богъ оставилъ мнѣ все-таки возможность никогда не высказывать мнѣнія о вещахъ, которыхъ я не вижу ясно и отчетливо. И, хотя трудно думать долго объ одномъ, но можно заставить себя помнить о возможности ошибки.

При этомъ условіи я не ошибусь, такъ какъ все, что видно ясно и отчетливо, должно быть

чѣмъ-либо и не можетъ происходить отъ не бытія (du néant), а должно имѣть въ своемъ источникѣ Бога.

Такимъ образомъ, я не только узналъ, какъ не ошибаться, но какъ найти истину, такъ какъ я ее непремѣнно найду, если буду внимательно изучать то, что я постигаю (conçois) прекрасно (parfaitement), т. е. ясно и отчетливо.

Въ этомъ размышленіи очень любопытна замѣтка Декарта о свободѣ воли. Свобода заключается въ знаніи. Если я знаю, что хорошо, я свободенъ, такъ какъ могу выбрать лучшее. Когда-же я безразлично отношусь ко всему, такъ какъ не знаю, что лучше, тогда моя воля—въ нерѣшительности, я менѣе всего свободенъ. Такой взглядъ противоположенъ новѣйшимъ разсужденіямъ о свободѣ воли. Напр., Шопенгауеръ говоритъ: «если человѣкъ хочетъ идти по одной улицѣ, а не другой, то онъ долженъ идти такъ, а не иначе».

РАЗМЫШЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

О сущности матеріальныхъ вещей и снова о существованіи Бога.

Я вижу ясно протяженіе, длину, глубину и т. д., настолько ясно, что, когда я объ этомъ думаю, мнѣ кажется, что я это все давно уже зналъ и только вспоминаю.

Я нахожу въ себѣ много идей, которыя не могутъ считаться небытіемъ, хотя онѣ, быть можетъ, и не существуетъ внѣ меня. Напримѣръ, треугольникъ. Онъ имѣетъ свою природу, форму, неизмѣнную и вѣчную, я се не выдумалъ и она не зависитъ онъ меня. Но, пожалуй, я узналъ трсугольникъ посредствомъ чувствъ? Нѣтъ, такъ какъ я могу представить себѣ (не воображеніемъ, конечно) массу фигуръ, которыхъ никогда не видалъ, и онѣ всѣ истинны.

Я вижу ихъ ясно, значитъ онѣ—нѣчто и не происходятъ отъ небытія. Ясно, что истина есть бытіе. Я считалъ наиболѣе истинными тѣ идеи, которыя относятся къ области ариѳметики и геометріи.

Изъ того, что я могу изъ своего разума создать (tirer) идею чего-нибудь, нельзя-ли найти доказательство существованія Бога?

Сущность и существованіе— не одно и то же. Но относительно Бога нельзя ихъ отдѣлить. Идея горы, правда, связана съ идеею долины, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы гора и долина существовала. Поэтому отъ того, что я имѣю идею Бога, какъ существующаго, не слѣдуетъ, чтобы Богъ существовалъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ моя мысль не обязательна для міра. Такое разсужденіе невѣрно. Я не могу представить себѣ Бога, какъ не существующимъ, поэтому необходимость, обязательность этой идеи доказываетъ Его существованіе. Я не могу представить высшее Существо безъ высшаго совершенства, между тѣмъ лошадь я могу представить съ крыльями и безъ крыльевъ.

Идея о Богѣ не выдумана мной и не зависитъ отъ моего разума, это—картина (image), образъ истинной и вѣчной природы.

1) Только Бога я представляю такъ, что сущность Его необходимо соединена съ существованіемъ.

2) Я могу представить только одного Бога.

3) Я вижу ясно, что если Онъ былъ прежде, то долженъ быть вѣченъ.

4) Я вижу въ Богѣ много другихъ вещей, которыя я не могу ни уменьшить, ни увеличить.

Увѣренность и истина всякой науки зависитъ отъ одного познанія Бога. Зная теперь Бога, я могу узнать съ достовѣрностью массу вещей, касающихся не только Его, но и матеріальнаго міра.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

О существованіи матеріальныхъ вещей и о реальной разницѣ между душой и тѣломъ человѣка.

Существуютъ-ли матеріальныя вещи?

Вещи познаются воображеніемъ.

Между воображеніемъ и воспріятіемъ (conception) есть существенная разница. Для воображенія нужно особое напряженіе ума. Воображеніе не есть необходимость для сущности моего ума. Воспріятіе обращается къ самому уму, къ идеямъ, находящимся въ немъ, воображеніе обращается всецѣло къ внѣшнему предмету. Отсюда я заключаю, что существуютъ предметы, но это только предположеніе.

Кромѣ предметовъ я воображаю цвѣтъ, звукъ, вкусъ, боль, словомъ, я чувствую.

Что такое чувствовать?

Во мнѣ есть чувство удовольствія и чувство боли, страданія. Когда предметъ, вызывающій что-либо во мнѣ, передъ моими глазами, я не могу не чувствовать. Такъ какъ идеи, вызываемыя чувствомъ, болѣе ясны и выражены (expresses), чѣмъ

идеи, созданныя размышленіемъ, то я думаю, что эти идеи соотвѣтствуютъ дѣйствительно предметамъ, вызвавшимъ ихъ.

Но опытъ учитъ меня, что чувства меня обманываютъ, даже внутреннее чувство (боль въ отрѣзанной ногѣ).

Однако, такъ какъ предметы, ощущаемые мною ясно и отчетливо, могли быть созданы Богомъ такъ, какъ я ихъ воспринимаю, то, что я могу представить себѣ отдѣльно одно отъ другого, дѣйствительно существуетъ отдѣльно. Я вижу себя, какъ вещь, которая мыслитъ и не имѣетъ протяженія и вещь, которая имѣетъ протяженіе и не мыслитъ. Отсюда ясно, что тѣло и душа могутъ существовать независимо другъ отъ друга.

Моя сущность не въ чувствѣ и не въ воображеніи, а въ мысли. Кромѣ пассивной способности воспринимать впечатлѣніе, во мнѣ есть активная способность производить мысли. Всѣ вещи, касающіяся спекулятивной геометріи,—истинны. Но и въ другихъ вещахъ, которымъ учитъ насъ природа, есть доля истины, такъ какъ природа, это—Богъ или порядокъ, установленный Богомъ, а моя природа, это—соединеніе тѣхъ свойствъ, которыя даны мнѣ Богомъ.

Я не живу въ своемъ тѣлѣ, какъ морякъ на кораблѣ. А я тѣсно, органически связанъ съ нимъ, поэтому я чувствую голодъ и т. п.

Есть еще другія вещи, которыя проникли въ мой умъ какъ-бы по привычкѣ. Напр., «пространство, въ которомъ ничто не движется и нѣтъ звука, пусто» и т. п. Это происходитъ отъ

того, что ощущенія и чувства даны мнѣ, чтобы избѣгать зла и стремиться къ удобству того, что мы называемъ соединеніемъ души и тѣла, между тѣмъ истина постигается только умомъ. Вотъ причина, почему мы впадаемъ въ ошибки, слѣдуя однимъ чувствамъ.

Разумъ одинъ и недѣлимъ, а тѣло дѣлимо.

Разумъ получаетъ впечатлѣніе не сразу отъ всѣхъ частей тѣла, а изъ мозга.

Итакъ, я долженъ отбросить всѣ мои сомнѣнія, и признать, что есть громадная разница между сномъ и бодрствованіемъ въ связи явленій, которой мы не замѣчаемъ во снѣ. Ошибки-же наши происходятъ отъ того, что мы слишкомъ поспѣшно дѣлаемъ заключенія. Въ общемъ мы должны признать слабость и немощность нашей природы.

ВОЗРАЖЕНІЯ

сдѣланныя господиномъ Гоббсомъ противъ шести размышленій.

Возраженіе I къ первому размышленію.

О вещахъ, въ которыхъ можно сомнѣваться.

Изъ этого перваго Размышленія достаточно ясно, что нѣтъ никакой извѣстной и очевидной границы, по которой можно было-бы различить наши сны отъ картинъ, видимыхъ нами на яву. Картины или, пожалуй, призраки (fantomes), видимые нами во снѣ и на яву, т. е. когда мы спимъ и когда бодрствуемъ — и тѣ, и другія не составляютъ вовсе свойствъ самихъ предметовъ (accidents attachés à des objets exterieurs) и не служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, что эти предметы обладаютъ дѣйствительнымъ существованіемъ. Поэтому, если мы не прибѣгнемъ къ какому-либо иному доказательству, а будемъ слѣдовать только свидѣтельству нашихъ чувствъ, то мы будемъ въ правѣ сомнѣваться во всемъ. Мы рѣшительно не знаемъ, существуетъ-ли что-либо на свѣтѣ.

Мы вполнѣ признаемъ правильность этого перваго «Размышленія». Но уже Платонъ говорилъ объ этой неизвѣстности вещей, воспринимаемыхъ чувствами, а также многіе другіе философы древ-

ности до Платона и послѣ него. Вопросъ о трудности различить сонъ отъ бодрствованія тоже старый вопросъ и мнѣ было бы пріятнѣе, если-бы превосходный авторъ новыхъ размышленій (cet excellent auteur de nouvelles spéculations) воздержался отъ печатанія столь старой вещи.

Отвѣтъ.

Причины сомнѣній, изложенныя мною, приняты этимъ философомъ (т. е. Гоббсомъ) за правду. Между тѣмъ я предполагалъ ихъ только правдоподобными. И я высказалъ ихъ не какъ новость, а съ цѣлью подготовить умы читателей къ различенію вещей духовныхъ отъ тѣлесныхъ, что казалось мнѣ всегда необходимымъ. У меня была также еще цѣль отстранить съ самаго начала дальнѣйшія сомнѣнія и показать, на какихъ прочныхъ основахъ я строю свою мысль, разъ общее сомнѣніе во всемъ не могло поколебать ихъ. И я пишу свои сомнѣнія вообще не для пріобрѣтенія славы, а считаю нужнымъ объяснить ихъ, какъ врачъ объясняетъ болѣзнь, которую хочетъ вылечить.

Возраженіе II ко второму размышленію.

О природѣ человѣческаго разума.

«*Я—вещь, которая мыслитъ*». Это очень хорошо сказано.

Изъ того, что я мыслю, или что у меня есть какая-нибудь идея во снѣ или на яву, заключаютъ,

что я—существо мыслящее (je suis pensant). Ибо *я мыслю* и *я существо мыслящее* (je suis pensant)—обозначаютъ одно и то же. Изъ того, что я—существо мыслящее, выводятъ, что *я существую* (que je suis), такъ какъ тотъ, кто мыслитъ, не можетъ быть ничто.

Все это справедливо. Но когда нашъ авторъ прибавляетъ: «я слѣдовательно *духъ, душа, пониманіе, разумъ*» (un esprit, une âme, un entendement, une raison)—тогда является сомнѣніе. Такое разсужденіе не кажется мнѣ правильнымъ: *я существо мыслящее*, слѣдовательно, *я мысль*—или *я существо разумное*, слѣдовательно, *я разумъ*. Такимъ-же образомъ можно сказать: *я—существо гуляющее* (je suis promenant), значитъ *я—прогулка* (je suis une promenade).

Г. Декартъ принимаетъ вещь мыслящую за самоё мысль, между тѣмъ мысль есть только дѣйствіе этой вещи (la chose intelligente et l'intellection). Онъ говоритъ, что вещь, которая понимаетъ и пониманіе—одно и то же. Пониманіе-же есть сила или способность вещи понимающей. Всѣ философы дѣлаютъ различіе между предметомъ (le sujet) и его свойствами и дѣйствіями, т. е. его особенностями и его сущностью (de ses essences). Вещь, какъ *она есть* (qui est) и *сущность* вещи—не одно и то же. Весьма возможно, что вещь, которая мыслитъ, будетъ субъектомъ ума, разума или пониманія и вмѣстѣ съ тѣмъ она—вещь тѣлесная. Такимъ образомъ положеніе, выставленное авторомъ, совсѣмъ не доказано. Между тѣмъ на этомъ покоются основы заклю-

ченій, которыя, повидимому, хочетъ установить господинъ Декартъ.

Въ томъ-же мѣстѣ онъ говоритъ:

«Я знаю, что я существую, и стараюсь понять себя, стараюсь понять, кто я, я, который существую. Такимъ образомъ ясно, что знаніе и пониманіе себя самого не зависитъ отъ вещей, существованіе которыхъ мнѣ еще неизвѣстно».

Совершенно справедливо, что извѣстность положенія «я существую» зависитъ отъ положенія «я мыслю». Это очень хорошо намъ было объяснено. Но откуда мы пріобрѣтаемъ знаніе о положеніи «я мыслю»?

Несомнѣнно отъ того, что мы не можемъ постигнуть никакого дѣйствія безъ дѣйствующаго субъекта, такъ-же, какъ и мысли безъ вещи, которая мыслитъ, знанія безъ вещи, знающей и прогулки безъ вещи, прогуливающейся.

Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что вещь, которая мыслитъ, имѣетъ нѣчто тѣлесное. Субъекты всѣхъ дѣйствій могутъ быть понимаемы только подъ условіемъ, такъ сказать, тѣлесности (sous une raison corporelle) или матеріальности (de matière)— какъ онъ самъ (т. е. Декартъ) намъ показалъ на примѣрѣ съ воскомъ. Воскъ потерялъ свой цвѣтъ, твердость, фигуру, измѣнилъ всѣ другія свойства (tous ses autres actes), тѣмъ не менѣе мы воспринимаемъ его, какъ одну и ту-же вещь, именно какъ матерію, подверженную всякимъ измѣненіямъ. Такимъ образомъ положеніе «я мыслю» я не могу основывать на другой мысли. Если кто-нибудь и можетъ думать, что онъ думалъ прежде—

такая мысль есть ничто иное, какъ воспоминаніе—то совершенно невозможно думать, что думаешь, или знать, что знаешь. Такое разсужденіе не имѣло-бы конца. Васъ можно было-бы спросить, откуда вы знаете, что вы знаете и т. д. и т. д.?

Итакъ, знаніе положенія «я существую» зависитъ отъ знанія положенія «я мыслю». Знаніе-же этого послѣдняго зависитъ отъ того, что мы не можемъ отдѣлить мысли отъ матеріи, которая мыслитъ. Отсюда слѣдуетъ, что намъ скорѣе можно предположить, что вещь, которая мыслитъ—матеріальна, нежели нематеріальна.

Отвѣтъ.

Когда я сказалъ «*духъ, душа, пониманіе, разумъ и т. д.*», я не разумѣлъ подъ этими словами одни только свойства, но самыя вещи, одаренныя способностью мыслить, какъ и принято понимать два первыя слова (т. е. духъ и душа), часто также и вторыя два. Я это не разъ объяснялъ и въ такихъ точныхъ выраженіяхъ, что я не вижу мѣста для сомнѣній.

Между «прогулкой» и «мыслью» здѣсь нѣтъ отношенія и связи. Подъ прогулкой никогда не подразумѣваютъ ничего иного, кромѣ дѣйствія. Мысль-же обозначаетъ иногда дѣйствіе, иногда способность (faculté), порой вещь, въ которой находится эта способность.

Я не говорю, что соображеніе (l'intellection) и вещь, которая соображаетъ, есть одно и то же, также какъ пониманіе (l'entendement) и вещь,

которая понимаетъ, когда подъ ними подразумѣваются способности (facultés), но только тогда, когда мы принимаемъ ихъ за самое вещь, которая понимаетъ.

Я признаю откровенно, что для того, чтобъ опредѣлить вещь (une chose ou une substance), которую я хотѣлъ освободить отъ всего, что ей не принадлежитъ, — я воспользовался самыми простыми и отвлеченными словами (termes). Мой философъ (т. е. Гоббсъ), напротивъ того, чтобъ обозначить ту-же вещь, прибѣгаетъ къ весьма конкретнымъ и сложнымъ понятіямъ какъ, напр., «субъектъ, матерія, тѣло», чтобы всячески помѣшать возможности отдѣлить «тѣло» отъ «мысли». Я не боюсь, что его пріемъ соединять нѣсколько вещей вмѣстѣ будетъ признанъ болѣе удачнымъ для отысканія истины, чѣмъ мой, заключающійся въ разграниченіи по мѣрѣ возможности всякой вещи. Но мы не будемъ останавливаться болѣе на словахъ, а перейдемъ къ сути вопроса.

«Весьма возможно,—говоритъ онъ,—что вещь, которая мыслитъ, имѣетъ нѣчто тѣлесное. Между тѣмъ выставлено какъ разъ противоположное положеніе и ничѣмъ не доказано».

Я совсѣмъ не выставлялъ противоположнаго положенія и не основывался на немъ, но оставилъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ до «шестого Размышленія».

Далѣе онъ (т. е. Гоббсъ) очень хорошо говоритъ: «мы не можемъ постигнуть никакого дѣйствія безъ субъекта, производящаго его, мысли — безъ вещи, которая мыслитъ,—вещь, которая мыслитъ не есть ничто». Но затѣмъ безъ всякаго основанія и даже противъ всякой логики и обычной формы рѣчи онъ прибавляетъ: «отсюда, видимо, слѣдуетъ, что вещь, которая мыслитъ, есть нѣчто тѣлесное». Субъекты всѣхъ дѣйствій (actes) по истинѣ должны быть понимаемы, какъ субстанціи (substances) или, если хотите, какъ матеріи, но матеріи метафизическія, а никоимъ образомъ не какъ тѣла. Напротивъ того, всѣ мыслители и за ними почти всѣ на свѣтѣ обыкновенно говорятъ, что между субстанціями однѣ бываютъ духовныя (spirituelles), другія—тѣлесныя. И примѣромъ своимъ съ воскомъ я доказалъ только то, что цвѣтъ, твердость, фигура и т. д. не относятся къ самой сути (à la raison formelle) воска. Можно постигнуть все, что по необходимости заключается въ воскѣ, не думая вовсе объ этихъ его свойствахъ. А также въ этомъ мѣстѣ я не говорилъ о сущности ума, ни о сущности тѣла.

Не къ чему говорить, какъ дѣлаетъ философъ (т. е. Гоббсъ), что мысль не можетъ быть субъектомъ другой мысли. Никто, кромѣ его самого, этого не выдумывалъ. Но я постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ выяснить вопросъ.

Извѣстно, что мысль не можетъ быть безъ вещи, которая мыслитъ и вообще никакое дѣйствіе и свойство (aucun accident ou aucun acte) не можетъ существовать безъ субстанціи, отъ которой оно исходитъ. Мы не познаемъ субстанціи непосредственно (immédiatement), а только благодаря ея свойствамъ, ея проявленіямъ (actes). Поэтому весьма удобно уму—и опытъ даже этого

требуетъ—называть разными именами тѣ субстанціи, о которыхъ мы знаемъ, что онѣ субъекты многихъ, совершенно различныхъ свойствъ и дѣйствій. Потомъ мы можемъ изслѣдовать, обозначаютъ-ли эти разныя имена разныя вещи или одну и ту-же вещь.

Такъ, нѣкоторыя дѣйствія, свойства мы называемъ *«тѣлесными»*, какъ, напр., величина, фигура, движеніе и всѣ другія вещи, для представленія которыхъ требуется протяженіе мѣста (une extension locale). Мы называемъ *«тѣломъ»* субстанцію, въ которой эти свойства находятся. Нельзя думать (feindre), что для субъекта фигуры была одна субстанція, для субъекта движенія—другая субстанція и т. д., потому что всѣ эти свойства (фигура, движеніе и т. д.) имѣютъ между собой ту общую черту, что въ основѣ всѣхъ ихъ находится протяженіе. Кромѣ тѣлесныхъ дѣйствій, существуютъ другія дѣйствія, которыя мы называемъ *«интеллектуальными»*, умственными. Таковы: понимать, желать, воображать, чувствовать и др. Въ нихъ общее-то, что они не могутъ быть безъ мысли, воспріятія (perception), или сознанія (consience et connaissance). И субстанцію, въ которой эти свойства находятся, мы называемъ *«вещь, которая мыслитъ»* или *«духъ»* (un esprit) или какимъ угодно другимъ именемъ, лишь-бы только не смѣшивать его съ субстанціей тѣлесной. Свойства духа, ума не имѣютъ ничего родственнаго (n'ont aucune affinité) со свойствами тѣла, и *мысль*, въ которой заключается сущность (la raison comune) первыхъ, совершенно противоположна (diffère totalement) *протяженію*, къ которому сводятся всѣ свойства тѣла.

Послѣ того, какъ мы установили два точныхъ и отчетливыхъ понятія объ этихъ двухъ субстанціяхъ, намъ не трудно будетъ узнать изъ того, что было сказано нами въ «шестомъ Размышленіи», составляютъ-ли онѣ одну и ту-же вещь или являются двумя разными вещами.

Возраженіе III ко второму Размышленію.

«Есть-ли что-либо, отличное отъ моей мысли? Есть-ли что-либо, что можно было-бы отдѣлить отъ моего «я»? (Qu'y a-t-il que l'on puisse dire être séparé de moi-même?).

Пожалуй, кто-нибудь отвѣтитъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:

Я отличаюсь отъ своей мысли, я, который мыслю. И хотя мысль моя не отдѣлена отъ меня, тѣмъ не менѣе она отъ меня отличается. Такъ-же отличается, какъ было раньше сказано «прогулка» отличается отъ того, кто прогуливается. Если г. Декартъ покажетъ, что «разумѣніе» и «тотъ, кто разумѣетъ»—одно и то-же, то мы впадемъ въ способъ рѣчи (façon de parler) схоластиковъ: «пониманіе понимаетъ, зрѣніе видитъ, желаніе желаетъ». И по аналогіи съ этимъ можно будетъ сказать, что «прогулка» или по крайней мѣрѣ «способность гулять» прогуливается. Всѣ эти выраженія темны, негодны (impropres) и весьма далеки отъ обычной точности (netteté) господина Декарта.

Отвѣтъ.

Я признаю, что «я, который мыслю», отличенъ отъ моей «мысли». Но когда я спрашиваю: «есть-ли что-либо отличное отъ моей мысли?»—я подразумѣваю «различные способы мысли», а не «меня»—субстанцію моего «я». Когда я прибавляю: «Есть-ли что-либо, что можно было-бы считать отдѣленнымъ отъ меня?»—я хочу этимъ только сказать, что всѣ эти способы мысли, заключающіеся во мнѣ, не могутъ обладать никакимъ существованіемъ внѣ меня. И мнѣ кажется, что тутъ нѣтъ мѣста сомнѣнію и я не понимаю, почему меня бранятъ за неясность.

Возраженіе IV ко второму Размышленію.

«Надо признать, что я не сумѣю своимъ воображеніемъ понять (comprendre), что такое этотъ кусокъ воска, а понять это можетъ только мой умъ».

Существуетъ громадная разница между воображеніемъ и умомъ. Воображать, — значитъ имѣть какую-нибудь идею (idée) о вещи, а постигать умомъ (concevoir de l'entendement), это значитъ— заключать, разсуждая, что какая-нибудь вещь существуетъ. Но г. Декартъ не объяснилъ намъ, въ чемъ заключается эта разница. Древніе перипатетики тоже довольно ясно излагали, что сущность (la substance) вещей не воспринимается чувствами, а можетъ быть постигнута только умомъ.

Что-же мы теперь скажемъ, если размышленіе—ничто иное, пожалуй, какъ собраніе отдѣльныхъ словъ, названій (de noms) и соединеніе ихъ посредствомъ слова «есть»—«*est*»? Посредствомъ разума такимъ образомъ мы не заключаемъ рѣшительно ничего о самой природѣ вещей, но только объ ихъ названіяхъ, другими словами, мы только видимъ, хорошо или дурно мы соединяемъ имена вещей въ зависимости отъ условныхъ значеній, которыя мы сами совершенно произвольно установили.

Если это такъ, то разсужденіе зависитъ отъ названій, названія отъ воображенія, а воображеніе, быть можетъ, какъ мнѣ кажется (selon mon sentiment) отъ движенія органовъ тѣла. Такимъ образомъ умъ (l'esprit) будетъ ничѣмъ инымъ, какъ движеніемъ въ нѣкоторыхъ областяхъ (parties) органическаго тѣла.

Отвѣтъ.

Я объяснилъ во «Второмъ Размышленіи» разницу между воображеніемъ и чистымъ воспріятіемъ ума или пониманія, показавъ на примѣрѣ воска, какія вещи въ немъ мы постигаемъ воображеніемъ, и какія разумомъ. Я объяснилъ также въ другомъ мѣстѣ, какъ различно мы понимаемъ вещь или воображаемъ ее. Чтобъ представить себѣ вещь воображеніемъ, напр., пятиугольникъ и пространство, заключенное его сторонами, намъ нужно особое напряженіе ума, въ то время какъ для того, чтобы постигнуть эту вещь умомъ (pour

concevoir), этого напряженія не надо. Соединеніе, которое мы дѣлаемъ при размышленіи, не касается только словъ, названій, но есть соединеніе самихъ вещей, обозначенныхъ словами, и я удивляюсь даже, что кому-либо въ голову можетъ прійти противоположная мысль.

Французъ или нѣмецъ могутъ имѣть относительно однѣхъ и тѣхъ-же вещей одинаковыя мысли, хотя названія, которыми они ихъ обозначаютъ, совершенно разныя. Философъ (т. е. Гоббсъ) самъ себя осуждаетъ, когда говоритъ объ условности произвольно установленныхъ названій. Если онъ согласенъ, что этими словами обозначается что-нибудь, то почему не хочетъ онъ согласиться съ тѣмъ, что наши разсужденія и разговоры касаются скорѣе самой вещи, чѣмъ только словъ, которыми она обозначается? А тѣмъ-же способомъ, какимъ онъ приходитъ къ тому, что умъ, духъ есть движеніе, онъ съ одинаковымъ правомъ могъ-бы заключить, что земля есть небо, или все, что только вздумается. Потому что нѣтъ въ мірѣ никакихъ иныхъ вещей, между которыми было менѣе согласія (convenance), чѣмъ между движеніемъ и разумомъ. Это два вполнѣ противоположныхъ рода вещей (deux genres entièrement différents).

Возраженія V, VI, VII, VIII, IX, X и XI касаются третьяго Размышленія и посвящены вопросу о существованіи Бога.

Возраженіе XII къ четвертому Размышленію

Объ истинѣ и лжи.

«Я знаю, что ошибка сама по себѣ не есть нѣчто реальное (de réel), зависящее отъ Бога, но есть только недостатокъ и для того, чтобы ошибаться, мнѣ не надо какой-нибудь особой способности, данной мнѣ Богомъ спеціально для того».

Несомнѣнно, невѣжество (l'ignorance) есть только недостатокъ. Для того, чтобы чего-нибудь не знать, не требуется никакой положительной способности. Но когда рѣчь идетъ объ ошибкѣ, вопросъ не такъ ясенъ: камни и другіе неодушевленные предметы не могутъ ошибаться, видимо, только потому, что они не обладаютъ способностью разсуждать и воображать. Отсюда надо заключить, что для того, чтобы ошибаться, нужно имѣть пониманіе, разумъ или по крайней мѣрѣ воображеніе. А то и другое — двѣ положительныя способности.

Кромѣ того г. Декартъ прибавляетъ:

«Я замѣчаю, что мои ошибки зависятъ отъ стеченія двухъ причинъ:—способности знать и способности выбирать, т. е. отъ моей свободной воли».

Это, мнѣ кажется, противорѣчитъ тому, что было прежде сказано. Здѣсь слѣдуетъ также замѣтить, что свобода выбора предположена, но не доказана, хотя это предположеніе противно мнѣнію кальвинистовъ.

Отвѣтъ.

Изъ того, что для ошибки нужна способность разсуждать, или, вѣрнѣе, судить, т. е. утверждать и отрицать, еще не слѣдуетъ, что недостатокъ этотъ непремѣнно реаленъ, также какъ слѣпоту мы не называемъ реальной. Камни, напр., мы не называемъ слѣпыми, только потому, что они не способны видѣть. Я удивляюсь, что до сихъ поръ во всѣхъ этихъ возраженіяхъ я не встрѣтилъ ни одного заключенія, которое казалось-бы хорошо выведеннымъ изъ своихъ началъ (de ses principes).

Относительно свободы я ничего не предполагалъ и не утверждалъ (avancé) иного, кромѣ того, что мы чувствуемъ каждый день въ себѣ и то, что всѣмъ извѣстно по самой природѣ (par la lumière naturelle). Я не понимаю, почему говорятъ, что это противно (répugne) и противорѣчитъ тому, что было прежде мною сказано.

Быть можетъ найдутся многіе, которые, думая о предопредѣленіи (préordination) Бога, не могутъ согласовать его съ нашей свободой. Тѣмъ не менѣе всякій, вглядываясь въ свою природу, чувствуетъ, что воля и свобода—одно и то-же, или, точнѣе, что нѣтъ никакой разницы между тѣмъ, что исходитъ отъ нашей воли, и тѣмъ, что свободно.

Что касается мнѣнія кальвинистовъ, то здѣсь вовсе не мѣсто говорить о немъ.

Возраженіе XIII къ четвертому Размышленію.

«Размышляя на-дняхъ о томъ, существуетъ-ли на самомъ дѣлѣ что-нибудь на свѣтѣ, я замѣтилъ, что изъ того только, что я размышляю надъ этимъ вопросомъ, очевидно, слѣдуетъ, что я существую. Я подумалъ, что вещь, которую я такъ ясно воспринимаю, должна быть истинной (vraie). И не потому, что я къ этому выводу былъ принужденъ какой-нибудь внѣшней причиной, а только вслѣдствіе большой ясности (une grande clarté) въ моемъ разумѣніи, за которой послѣдовала большая склонность (une grande inclination) моей воли. Такимъ образомъ я былъ склоненъ вѣрить этому (т. е. тому, что я существую) съ тѣмъ большей свободой, чѣмъ скорѣе моя воля пришла къ какому-либо рѣшенію (avec moins d'indifférence)» (Выписка изъ Декарта).

Выраженіе «*большая ясность въ пониманіи*» слишкомъ описательно (métaphorique) и потому не должно входить въ доказательство: у кого нѣтъ никакихъ сомнѣній, тотъ предполагаетъ, что владѣетъ подобной ясностью и его воля не менѣе направлена на то, чтобъ утверждать что-либо, чѣмъ тотъ, кто имѣетъ совершенное знаніе. Эта ясность такимъ образомъ можетъ быть причиной того, почему мы и держимся какого-нибудь мнѣнія и настойчиво его защищаемъ, но она никогда не приведетъ насъ къ увѣренности, что наше мнѣніе—истина.

Кромѣ того не только знать, что вещь истинна, но даже думать это или соглашаться съ этимъ,—

не зависитъ отъ нашей воли. Мы вынуждены вѣрить помимо нашей воли, хотимъ мы или нѣтъ, вещамъ, которыя подтверждены хорошими доказательствами или переданы, какъ вѣроятныя. Правда, утверждать или отрицать, поддерживать мнѣніе или отвергать его, все это—дѣйствія воли. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы отъ воли зависѣло также соглашеніе и внутреннее наше признаніе (l'aveu intérieur).

Итакъ, выводъ, что «недостатокъ, составляющій форму ошибки, вытекаетъ изъ дурного употребленія нашей свободы» (слова Декарта), не достаточно объясненъ.

Отвѣтъ.

Совершенно не важно, годится-ли выраженіе *«большая ясность»* для доказательства или нѣтъ, лишь-бы оно было годно для точнаго объясненія нашей мысли. А для этого оно пригодно. Всякій знаетъ, что подъ выраженіемъ «ясность въ пониманіи» подразумѣваютъ ясность или, такъ сказать, проницательность (perspicuité) знанія, которой обладаютъ, быть можетъ, не всѣ тѣ, кто думаютъ, что она у нихъ есть. Однако, эта ясность много отличается отъ мнѣнія, хотя и устойчиваго (obstinée), сложившагося безъ воспріятія очевидности (sans une évidente perception).

Когда говорится, что мы помимо нашей воли вѣримъ вещамъ, которыя познаемъ ясно, то это тоже самое, если-бы было сказано, что мы помимо воли хотимъ и желаемъ хорошія вещи, когда ясно ихъ

знаемъ. Выраженіе *«хотимъ-ли мы или не хотимъ»* не можетъ быть употреблено въ данномъ случаѣ, потому что безъ явнаго противорѣчія нельзя сказать: «я хочу и я не хочу одну и ту-же вещь».

Возраженіе XIV къ пятому Размышленію.

О сущности вещей.

«Я воображаю, представляю себѣ треугольникъ. Быть можетъ въ мірѣ нигдѣ, кромѣ моей мысли, не существуетъ такой фигуры и не существовало никогда. Тѣмъ не менѣе она имѣетъ извѣстную природу или форму или опредѣленную сущность. Она незыблема и вѣчна. Я ее не выдумалъ—она никоимъ образомъ не зависитъ отъ моего ума, какъ явствуетъ изъ различныхъ свойствъ этого треугольника» (слова Декарта).

Если нигдѣ въ мірѣ не существуетъ треугольника, я не могу понять, какимъ образомъ у него есть какая-то природа. Чего нѣтъ нигдѣ,—того не существуетъ вовсе. Оно не имѣетъ, слѣдовательно, ни существованія, ни природы. Мысль, которую нашъ умъ воспринимаетъ о треугольникѣ, явилась, возникла отъ другого треугольника, видѣннаго нами или изображеннаго (inventé) по образцу вещей, опять-таки видѣнныхъ нами раньше. Но разъ мы назвали именемъ треугольника вещь, отъ которой, по нашему мнѣнію, происходитъ идея треугольника — то это имя останется на всегда, хотя-бы самая вещь погибла. То же самое, если мы восприняли нашею мыслью, что всѣ углы тре-

угольника вмѣстѣ взятые равны двумъ прямымъ, и дали треугольнику второе названіе, т. е. что «треугольникъ есть вещь, въ которой есть три угла, равные двумъ прямымъ», — то хотя-бы въ мірѣ не существовало никакого треугольника, это названіе, однако, останется. Такимъ образомъ, истина этого предположенія будетъ вѣчна,— что «треугольникъ есть вещь, обладающая тремя углами, равными двумъ прямымъ». Но природа самого треугольника не станетъ отъ этого вѣчна, потому что если всѣмъ треугольникамъ вообще придется случайно погибнуть, погибнетъ и самая его природа.

То же предложеніе «человѣкъ есть животное» будетъ вѣчной истиной, благодаря названіямъ. Но предположимъ, что родъ человѣческій уничтоженъ – не существуетъ болѣе человѣческой природы.

Отсюда очевидно, что сушность (essence) вещей, посколько она отличается отъ существованія (de l'existence) ихъ, есть ничто иное, какъ соединеніе названій посредствомъ глагола «есть» (est) и сущность безъ существованія есть фикція нашего ума.

Сущность относится къ существованію, какъ образъ человѣка, находящійся въ умѣ, относится къ человѣку.

Такъ предложеніе «*Сократъ (есть) человѣкъ*» относится къ предложенію «*Сократъ (есть)—существуетъ*», какъ сущность Сократа относится къ существованію Сократа. Такимъ образомъ, «*Сократъ (есть) человѣкъ*», когда Сократа не существуетъ, означаетъ только соединеніе названій, словъ, и между ними слово «*есть*» вызываетъ образъ единства вещи, которая обозначена двумя названіями.

Отвѣтъ.

Различіе между сущностью и существованіемъ извѣстно всѣмъ и то, что сказано здѣсь о вѣчныхъ названіяхъ, вмѣсто воспріятій и идей вѣчной истины, уже раньше было достаточно опровергнуто.

Возраженіе XV къ шестому Размышленію.

О существованіи вещей.

«Богъ не далъ мнѣ никакой способности, чтобы познать вещи (que céla soit), но, напротивъ того далъ мнѣ большую склонность вѣрить, что идеи о тѣлѣ (les idées du corps) доходятъ до меня или исходятъ отъ самихъ тѣлесныхъ вещей. Если-бы эти идеи исходили отъ иныхъ причинъ, а не отъ вещей, то я не знаю, чѣмъ можно было-бы извинить подобный обманъ. Поэтому надо признать, что есть тѣлесныя вещи, которыя существуютъ» (слова Декарта).

Часто врачи обманываютъ больныхъ для ихъ собственнаго здоровья и въ этомъ нѣтъ грѣха, по общему мнѣнію. Часто родители обманываютъ дѣтей для ихъ блага. Зло въ обманѣ заключается не въ ложности словъ, а въ намѣреніи (malice) того, кто обманываетъ. Берегитесь, господинъ

Декартъ, если предположеніе, что «Богъ не можетъ насъ никогда обмануть», взятое въ общемъ смыслѣ (universellement), не вѣрно! Потому что, если оно не вѣрно, то и выводъ «слѣдовательно есть вещи, которыя существуютъ» — тоже неудаченъ.

Отвѣтъ.

Для истины этого вывода вовсе не нужно, чтобы мы никогда не были обмануты. Я, напротивъ того, откровенно признаю, что мы часто бываемъ обмануты. Лишь-бы наша ошибка не обнаружила въ Богѣ намѣренія обмануть, котораго въ Немъ быть не можетъ: въ этомъ есть заключеніе, по моему мнѣнію, неправильно выведенное изъ своего начала.

Возраженіе XVI къ шестому Размышленію.

«Я признаю теперь, что между сномъ и бодрствованіемъ существуетъ весьма замѣтное (notable) различіе. Наша память не можетъ никогда связать наши сны между собою и соединить ихъ съ теченіемъ нашей прочей жизни такъ, какъ связываетъ она явленія, случающіяся съ нами наяву» (слова Декарта).

Почему человѣкъ во снѣ не можетъ сомнѣваться въ томъ, сонъ-ли это или почему онъ не можетъ этотъ сонъ связать съ цѣлымъ рядомъ прошедшихъ явленій? Если онъ можетъ это сдѣлать, то вещи, которыя человѣкъ во снѣ принимаетъ за дѣйствія своей прошлой жизни, могутъ считаться истинными, какъ еслибъ онъ бодрствовалъ. А такъ какъ онъ говоритъ самъ (т. е. Декартъ)—достовѣрность науки и вся истина зависитъ отъ одного познанія истиннаго Бога, то атеистъ или не можетъ признать, что онъ бодрствуетъ, вспоминая дѣйствія своей прошлой жизни, или человѣкъ можетъ знать, что бодрствуетъ, не имѣя познанія объ истинномъ Богѣ.

Отвѣтъ.

Тотъ, кто спитъ и видитъ сны, не можетъ правильно (avec verité) соединить свои сны съ мыслями о прошлыхъ вещахъ, хотя онъ можетъ видѣть во снѣ, что ихъ соединяетъ. Нельзя отрицать, что тотъ, кто спитъ, можетъ ошибаться! Но потомъ, проснувшись, онъ легко пойметъ свою ошибку.

Атеистъ тоже можетъ признать, что онъ бодрствуетъ, вспоминая дѣйствія прошедшей жизни. Но онъ не можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ не ошибается, если онъ не знаетъ, что онъ созданъ Богомъ и Богъ не можетъ его обмануть.

Изданія П. П. Сойкина.—Спб., Невскій, № 96.

Торжество германской промышленности. (Посвящается промышл. и фабрикантамъ). Сочиненіе *Е. Уилльямса*, перев. съ англ. В. Ляпидевской, съ предисл. проф. Имп. Спб. Унив. П. И. Георгіевскаго. Спб. 238 стр. Цѣна 1 р.

Руководство къ отечественной исторіи. Курсъ младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Съ рисунками и портретами Составилъ *А. Н. Сальниковъ*. 148 стран. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр **ДОПУЩЕНО УСЛОВНО** въ качествѣ учебнаго руководства для учениковъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ.

Краткій курсъ отечественной исторіи. (Для городскихъ училищъ, съ рисун. и портр. въ текстѣ. Составилъ *А. Н. Сальниковъ*. Цѣна 30 коп., съ перес. 40 коп.

Энциклопедическій словарь. Составленъ подъ редакцію доктора философіи *М. М. Филиппова*, редактора журнала „Научное Обозрѣніе". Въ трехъ томахъ (болѣе 130 печатныхъ листовъ), 3800 столбцовъ убористой печати формата словарей Брокгауза и Мейера. Цѣна за 3 тома 5 руб., въ переплетахъ 7 руб. Пересылка за 8 фунтовъ.

Діагностика внутрени болѣзней. Согласно новѣйш. метод. изслѣдованія. Проф. д-ра *Ф. Фирордта*. Переводъ подъ редакціей доцента Императорской Военно-Медицинской Академіи доктора *Т. Н. Богомолова*. Спб. 576 стран. 56 рис. Цѣна 1 р.

Еврейскій умъ. *Мо исъ Мюрэ*. Переводъ съ французскаго Отоцкой (Безъ предварительной цензуры). Содержаніе: Расовое мышленіе. Израильская раса. Психологія еврея.—Спиноза (1632—1677): Спиноза, евреи и іудаизмъ. Еврейскіе источники спинозизма. Еврейскія и антихристіанскія идеи Спинозы.—Генрихъ Гейне (1797—1856): Человѣкъ и писатель. Религіозное развитіе Генриха Гейне. Трехцвѣтное Евангеліе Генриха Гейне. Государственный человѣкъ-еврей. Лордъ Биконсфильдъ (1804—1881): Другъ народа. Семитическій теоретикъ. Іудейство и соціализмъ. Карлъ Марксъ (1818—1883): О еврейскомъ происхожденіи соціализма. Іудейскій элементъ въ марксизмѣ.—Георгъ Брандесъ (1812): Брандесъ и Данія. Европейская критика Георга Брандеса. Отъ 1789 до 1848 гг. Ненависть къ христіанскому уму.—Максъ Нордау (1849): Антихристіанская соціологія. Наука противъ религіи. Состояніе еврейской души.- Краткое обозрѣніе и заключеніе. XIX+308 страницъ. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

Пять лѣтъ моей жизни. Дневники А. Дрейфусъ. Переводъ съ франц. *С. Моложавого*. 316 стран. Цѣна 1 руб.

Для декламаціи сборникъ избранныхъ стихотвореній. Составилъ членъ кружка любит. художеств. чтенія и музыки въ Спб. *С. П. Елисѣевъ* при содѣйствіи артистовъ Императорскихъ театровъ: П. А. Стрепетовой, Н. Л. Глазунова, Ю. Э. Озаровскаго, В. И. Петрова, М. И. Писарева, а также гг. А. А. Захарьина, В. В. Чехова и др. 380 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 р., въ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Полное руководство для чиновъ полиціи, столичной, городской и уѣздной и справочная книга для земскихъ начальниковъ, городскихъ судей, волостныхъ управленій и торгово-промышлен. лицъ. Сборникъ законовъ и распоряженій правительства. Составилъ по оффиціальнымъ источникамъ 1857—1894 гг., съ приложеніемъ алфавитнаго указателя законовъ на всѣ случаи, *П. Цвѣтковъ*. 2 тома 2580 стр. Цѣна 5 р.

Важнѣйшія узаконенія о поступленіи на государственную службу, производствѣ въ первый классный чинъ, награжденіи орденами и медалями, пріобрѣтеніе дворянства и почетнаго гражданства. На основаніи послѣднихъ изданій соотвѣтствующихъ томовъ Свода Зак. Росс. Имп. и В. утв. 1 августа 1898 г. и 2 августа 1900 г. прав. объ испрош. нагр. и измѣн. этихъ правилъ. Составилъ *А. Н. Вандеръ*. Ц. 30 коп.

Сборникъ законовъ и распоряженій о евреяхъ. *П. Цвѣткова*. 136 стр. Ц. 1 р.

Основы трезвости. (Опытъ руководства для школъ). *А. Соболевскаго*. 168 страницъ Цѣна 50 коп.

Гагры. Новый климатическій курортъ на кавказскомъ берегу Чернаго моря. Историко-географическій очеркъ съ рис. Сост. *А. В. Зеленинъ*. Ц. 30 к.

Выписывающіе изданія Сойкина изъ его книжнаго магазина (СПБ., Невскій, 96, уг. Надеждинской), на сумму не менѣе одного рубля, за пересылку не платятъ, кромѣ тѣхъ изданій, за которыя пересылка показана особо.